

Нигилизм как внедрение парадигмы модерна (на примере творчества русских писателей XIX века)

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-86-92>

Д. Сарачу

Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

e-mail: sarachuj@hotmail.com

(Перевод с испанского д. филос. наук, профессора Т.С. Паниотовой)

Аннотация: В статье анализируется нигилизм в произведении И.С. Тургенева «Отцы и дети» посредством понятийного аппарата, который, согласно Ж. Ипполиту, применял Гегель в «Феноменологии духа», характеризуя идеологию Просвещения. Нигилизм рассматривается как специфическая форма, которую принимают идеи Просвещения в процессе проникновения в русскую культуру. Основываясь на работе А.И. Герцена «Развитие революционных идей в России», автор анализирует исторические причины внедрения парадигмы Модерна в российский социально-политический контекст и возникающие в связи с этим проблемы. Завершающая часть статьи посвящена осмысливанию философского содержания произведений «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского. В рамках данного сюжетного ряда показано, как авторы трактуют центральные понятия нигилизма, выступают с критикой или в защиту рационализма, предвосхищая революционные процессы XX века в России.

Ключевые слова: нигилизм, русская литература, Просвещение, XIX век, социальная история.

Для цитирования: Сарачу Д. Нигилизм как внедрение парадигмы модерна (на примере творчества русских писателей XIX века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 86-92. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-86-92>

NIHILISM AS AN INTRODUCTION OF THE MODERN PARADIGM (BY THE EXAMPLE OF THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS OF THE XIX CENTURY)

Julia Sarachu

University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina

e-mail: sarachuj@hotmail.com

Abstract: The article analyzes the characterization of nihilism in Turgenev's Fathers and Sons, in relation to the central concepts from which, according to Hypolite, Hegel defines Enlightenment thought in The Phenomenology of Spirit. From the comparison, nihilism is considered as the specific form assumed by the ideas of the Enlightenment to the extent that they penetrate the context of Russian culture. Then, the his-

САРАЧУ ДЖУЛИЯ – доцент кафедры славянской словесности, Университет Буэнос-Айреса

SARACHU JULIA – Assistant Professor of Slavic Literatures, University of Buenos Aires

© Сарачу Д., 2022

torical causes of the introduction of the paradigm of Modernity are observed, and the problems that arise in the Russian social and political context, in the work *The Development of Revolutionary Ideas in Russia* by Herzen. Finally, the philosophical content is analyzed in the works *Fathers and Sons* by Turgenev, *What Is to Be Done?* by Chernyshevsky and *Notes from Underground* by Dostoevsky, as a plot sequence through which the authors discuss the central concepts of nihilism and raise the critique and defense of rationalism, anticipating the revolutionary process of the 20th century in Russia.

Keywords: Nihilism, Russian literature, Enlightenment, XIX century, social history.

For citation: Sarachu J. Nihilism as the introduction of the paradigm of modernity (on the example of the work of Russian writers of the 19th century). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 86-92. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-86-92>

Анализ дискуссий вокруг центральных концептов русского нигилизма необходим для понимания российской социальной, политической и культурной истории в первую очередь потому, что нигилизм представляет собой специфический способ проникновения Модерна в Россию, вызывающий сомнения в традиционных ценностях, саморефлексию и социальную фрагментацию, которые приводят к революционным процессам XX века. Внутренний социально-политический кризис в России привел к рождению советского коммунизма как альтернативной модели внедрения парадигмы Модерна, отвечающей особенностям развития российского общества. Таким образом, российская политическая и социальная история XIX века во многом предопределяла будущее мировой политической и социальной истории вплоть до настоящего времени.

С другой стороны, в связи с особенностями социокультурного контекста внедрения идей Просвещения в России, великолепно описанными А. И. Герценом, идеиные битвы, которые подталкивали социальные трансформации и в итоге привели к революционным событиям, шли и в литературной сфере: литература не только отражала, но и способствовала указанным трансформациям.

Социальная функция русской литературы, тесно связанная с политическим и культурным контекстом, впоследствии превратится в универсальную парадигму союза социальной функции искусства и нравственной

позиции художника, определяющую многие культурные движения XX века. Отсюда следует, что изучение нигилизма имеет значение для понимания не только российской социальной истории, но и всеобщей истории XX века и современности.

В истории литературы понятие «нигилист» появляется в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованном в 1862 году. Это слово впервые употребляется во время застольной беседы, когда Аркадий Кирсанов с университетским товарищем Евгением Базаровым посещают имение его отца Николая Кирсанова. Ниже приводится фрагмент разговора, во время которого впервые вводится термин «нигилизм»: «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [1, с. 25].

Во время беседы Евгений Базаров и дядя Аркадия Павел Кирсанов открыто противостоят друг другу. «.... Я вас не понимаю после этого. Вы оскорбляете русский народ. Я не понимаю, как можно не признавать принципов, правил! В силу чего же вы действуете?», – спрашивает Павел Петрович Кирсанов. «Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, – промолвил Базаров. – В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем». «Однако позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надо же и строить». На это Базаров отвечает:

«Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [1, с. 48–49].

Из данных высказываний можно вывести некоторые основные идеи, которые позволяют охарактеризовать нигилистическое мышление героев романа в целом: субъект не признает авторитетов и в своих действиях руководствуется доводами разума, почерпнутыми исключительно из собственного опыта; с другой стороны, он относится к миру, руководствуясь принципом пользы. Теперь давайте посмотрим, как эта идеология вписывается в историю западной мысли.

В пятой части главы IV работы «Генезис и структура “Феноменологии духа” Гегеля» философ Жан Ипполит анализирует отрывок, в котором Гегель описывает процесс и способ мышления философов Просвещения. Согласно Ипполиту, вере, основанной на авторитете, философия Просвещения противопоставляет суверенитет самого субъекта и законы природы, которые признаются единственным связующим звеном между внешним и внутренним. Познание природы делает человека свободным в его отношениях с материальным миром, а затем эта идея распространяется и на духовный мир. Таким образом, идеология Просвещение признает право и мораль чуждыми авторитетами для человеческого разума, в который входит совокупность представлений, основанных на истинном знании законов природы и понимании того, что представляют собой справедливость и благо. Так происходит фундаментальная революция в духовной сфере, состоящая в стремлении преодолеть любое отчуждение.

Ж. Ипполит, основываясь на гегелевской теории, характеризует философию Просвещения следующим образом: «Сведение обилия абстрактных представлений к чисто человеческому опыту. Божественное отрицается или, лучше сказать, от него ничего не остается, кроме пустой формы абсолюта, формы, применимой ко всему и негодной ни на что. В этом состоит пустой формализм. Остается лишь множество конечных существ, рассматриваемых то в своем абсолютном, то в сво-

ем относительном положении. Каждый сам по себе, каждый для другого и с этой точки зрения следует рассматривать “человеческое стадо” в целом» [6, р. 404]. Развивая далее эти идеи, Ипполит специально акцентирует внимание на центральном понятии философии Просвещения – понятии пользы: «Эти две модальности могут быть применимы к любым конечным вещам и приводят в итоге к фундаментальному общему понятию, заключающему в себе сущность всей теоретической и практической философии Aufklärung – понятию пользы. Вещи представляют сами себя и служат другим вещам. Человек, как часть этой концепции, также есть конечная реальность» [6, р. 404]. Превратившись из божественного творения в конечное природное существо, человек начинает относиться к миру и к другим людям, руководствуясь принципом пользы, то есть мораль становится утилитарной: «Изначально вышедший из рук Божьих, человек идет по миру, как если бы это был сад, посаженный им самим. Он хорош сам по себе, и все существует для его удовольствия. Это означает, что все существующее для человека имеет смысл только в связи с пользой, которую он может извлечь. Аналогичным образом социальные связи между людьми оправдываются их взаимной полезностью. ... Мораль вообще сводится к социальной морали и выражается через утилитаризм» [6, р. 404]. Согласно проделанному Ж. Ипполитом анализу с позиций гегелевской философии, идеологию Просвещения составляют два фундаментальных принципа: во-первых, отрицание всего того, что выходит за рамки человеческого опыта; во-вторых, утверждение, что польза является основой отношения человека к миру.

Если мы сравним суждения Ипполита с размышлениями персонажей, представляющих в романе И. С. Тургенева нигилистическую точку зрения в противовес точке зрения «отцов», то увидим, что они основаны на тех же самых аксиомах. Отталкиваясь от презентации нигилистов в романе Тургенева, мы можем вписать нигилизм в контекст процесса распространения идеологии Про-

свещения и понять специфический способ ее ассимиляции в России.

А. И. Герцен в своей работе «О развитии революционных идей в России» (1850) анализирует, каким образом идеология Просвещения проникает в Россию и получает здесь распространение. По Герцену, решающую роль сыграли два обстоятельства: с одной стороны, это реформы Петра Первого (1672–1725), целью которых было ослабление позиций православной церкви и укрепление государства, приданье способу правления прикладного и светского характера, приобщение знати к западноевропейским обычаям, бюрократизация государства и армии. В итоге реформы привели к глубокому расколу общества. В отличие от прозападного дворянства, образ жизни крестьянства ни в чем не изменился, крестьянство оставалось крепостным под опекой православной церкви. Герцен утверждает, что социальный разлом постепенно усиливался, пока не достиг своего пика во времена царствования Екатерины II (1729–1796). Он замечает, что в то время, когда в государстве в передовых кругах «совершалась великая работа» и «всюду росло недовольство», «русский народ продолжал оставаться вдали от политической жизни» [5].

Другим ключевым моментом в распространении идей Просвещения, по Герцену, стала война с Наполеоном. Гвардейские офицеры вели к победе народ, объединившийся в связи с вторжением Наполеона в Москву, начиная с изгнания его с территории России в декабре 1812 г. вплоть до окончательного поражения в Париже в 1814 г. Военные вернулись на родину триумфаторами, а крестьяне – назад к сохе. Однако офицеры, испытавшие влияние идей Французской революции, теперь были убеждены в необходимости глубоких социальных преобразований в России. Это привело к изменению идеологической ориентации политической власти, которая, начиная с Петра Великого и до сего момента, была главным двигателем вестернизации в России. Видя угрозу своему положению, политическая власть становится консерватив-

ной, антизападнической. Для защиты России от революционных идей, спровоцировавших в Западной Европе разрушение традиционных социальных институтов, российская власть выступает за укрепление союза с православной церковью. Но хотя в 1825 году восстание декабристов было сурово подавлено и установленся режим строгой цензуры, она не смогла изничтожить критическую мысль и литературу (Чаадаев, Гоголь, Белинский), которая находила каналы публикации за границей или же распространялась тайно в виде рукописей среди просвещенной элиты. Наряду с критикой интеллектуалами-западниками авторитаризма и консерватизма, возникает интеллектуальное движение славянофилов, которое ставит под сомнение концепцию прогресса и апеллирует к защите традиционных структур.

А. И. Герцен описывает интеллектуальную ситуацию в России 1850-х гг., полемику между западниками и славянофилами. По Герцену, оба направления исходят из факта провала Французской революции, спровоцировавшей разрушение социальных институтов, не осуществившей на практике идеалы свободы и равенства, которые были двигателями борьбы за изменение общественного строя. Представители обоих направлений рассматривали социализм как знаковый симптом европейского кризиса и обращали свои взоры к русской общине, сохранение которой, по мнению некоторых, позволило бы преодолеть конфликты, свойственные Западной Европе. Однако, как утверждает Герцен, если западники выступали за изменение общественно-политического порядка в России, то славянофилы стремились сохранить традиционные структуры и предотвратить изменения путем безусловного подчинения политическому и церковному строю.

А. И. Герцен мыслит по-европейски, полагая, что славянофилы хотят остановить неудержимый процесс социальной эволюции, который, если его не направлять, может привести к революционному взрыву в России. В этом контексте возникает нигилистическое движение, состоящее из молодых по-

следователей западного мышления, которые в 1860-е годы намеревались провести в жизнь революционные идеи, а начать, как мы видим у Тургенева, собирались с изменения своего отношения к действительности.

Возвращаясь к тургеневским «Отцам и детям», следует сказать, что автор книги занимает позицию ироничного отношения к идеологии нигилистического движения. Артикулируя популярные среди молодого поколения идеи, Тургенев делает это с точки зрения аристократа, представителя старшего поколения, который живет в Париже, общается в литературных кругах, а в России имеет имение, унаследованное от предков. Он с трудом воспринимает бескомпромиссный рационализм нигилистов, видя в нем искусственную и высокомерную позу все отрицающих подростков.

Евгений Базаров – юноша гордый и непоколебимый, презирающий любовь, искусство, религиозные верования и традиционные обычаи. Смерть Базарова от случайного пореза пальца и заражения тифом, по мысли Тургенева, показывает, как, казалось бы, прочное здание разума гордого человека может рухнуть по воле случая. Роман заканчивается сценой оплакивания родителями смерти единственного сына, и цветы на могиле кажутся автору более жизненными, чем все претензии нигилистов на изменение мира.

Публикация романа Тургенева вызвала незамедлительную реакцию в нигилистическом движении. Его лидер Н. Г. Чернышевский пишет и издает в 1863 году роман «Что делать?» как ответ тургеневской критике. Писатель хочет показать, что нигилизм – не бесплодное отрицание, а выдвижение конкретной программы,озвучной экономическим идеям социалистического проекта Шарля Фурье. Книга базируется на фундаментальной аксиоме, что у каждого человека есть свои интересы, иметь их логично и даже необходимо – согласно инстинкту самосохранения. Ведь именно этот инстинкт обеспечивает человеку выживание. Цель человека есть благо, каждый желает блага для себя. Но человек не знает,

что для него благо, потому что невежество и предрассудки в состоянии извертить его истинные цели. Если бы люди знали, что для них лучше, то каждый индивид стремился бы к общему благу, которое одно для всех и для каждого. При таком понимании зло в мире объясняется невежеством и предрассудками. Такой подход совпадает с теорией Жан-Жака Руссо, утверждавшего, что человек по своей природе добр, а общество извращает его природу.

Историей Веры в романе «Что делать?» Чернышевский стремится показать, что благодаря самообразованию и непрерывному анализу своих желаний главная героиня освобождается от предрассудков и традиционного способа мышления, которые препятствовали ее способности действовать, причиняли несчастье ей и окружающим. Тем самым Вере удается достичь полноты счастья в личной жизни, одновременно способствуя счастью других. Суть такого подхода в том, что он постулирует единство между природой и долгом в понимании желания: каждый человек, преследуя свой интерес, ищет блага.

В шестой части главы I работы «Генезис и структура „Феноменологии духа“ Гегеля», посвященной нравственности, Жан Ипполит анализирует идеи И. Канта по данному вопросу и приходит к выводу, что необходимо, чтобы естественное и должное рассматривались как противоположности. Кант считал опасным заблуждением пытаться связать истинный долг с естественным законом, потому что, если бы их единство было достигнуто, то можно было бы говорить о безнравственности природы.

Поэтому в анализе концепции мира Гегель в «Феноменологии духа» также утверждает, что совпадение между природой и нравственным долгом существует только как постулат, ориентирующий мораль на прогрессивное развитие, но это совпадение никогда не сможет быть полным, потому что, если бы это произошло, то исчезла бы сама мораль. И то же самое происходит в каждом отдельном случае: единство между естествен-

ным желанием и должно возможно только на уровне намерения, так как после совершенного действия субъект незамедлительно испытывает раздвоение сознания из-за несовпадения между целью и результатом действия. Последний всегда оказывается частичным, неполным в сравнении с поставленной целью, которая состоит в том, чтобы творить благое. Затем появляется сознание вины как признание несовпадения между намерением и конечным результатом действия.

Эта проблема гегелевской философии, проанализированная Ипполитом, хорошо иллюстрируется повестью Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864), где рассказчик повествует о событиях своей жизни. «Записки из подполья» написаны Достоевским как ответ на рационализм Чернышевского в романе «Что делать?». Самое интересное то, что автор проблематизирует рационализм не с позиций трансцендентности, а с использованием рационалистического инструментария. В первой части произведения рассказчик произносит монолог против рационализма и человека действия, формулируя четыре основных аргумента. Первый аргумент состоит в предположении, что если нечто превышает человеческие возможности, то ничего не надо делать, ибо человек смертен, и естественный конец/цель для человека – это смерть. Эта критика человека из подполья вполне совпадает с тургеневской иронией в «Отцах и детях»: гордое здание разума рушится из-за простого и случайного пореза на пальце. Второй аргумент связан с источником несовершенства: если все подвластно человеческому разуму, то как же объяснить существующие ошибки? Значит, ошибка является частью разума. Человек так же рационален, как иррационален, и не всегда своеобразен; он может даже желать чего-то, понимая, что это причиняет ему вред. Эта критика рационализма, осуществленная персонажем Достоевского в «Записках из подполья», уже присутствует у Гегеля в «Феноменологии духа», в главе, где он рассматривает противоположность между интеллектом и верой в контексте Просвещения.

В-третьих, рассказчик выдвигает мысль о том, что человек создает рациональные системы, чтобы избежать страха смерти. На самом деле это все фарс: человек не принимает свою смертность, свою уязвимость, и тогда он придумывает пустые социальные формулы, чтобы скрыть свой страх, свой ужас перед бессмыслицей существования, которое завершается впадением в нигилизм и признанием, что ничто не выходит за пределы человеческого опыта, пределом которого является смерть.

Таким образом, рассказчик утверждает свою позицию как «более нигилистическую, чем у нигилистов», и опровергает их же собственными аргументами.

Наконец, человек из подполья выдвигает еще один аргумент, очень современный и даже опережающий свое время: следование своим интересам устанавливает потребительское отношение к миру. Речь идет о саморазрушающейся логике, связанной с понятием пользы. Согласно Ипполиту, Гегель определяет полезность как фундаментальное понятие философии Просвещения, выражющее отношение человека к миру и своим братьям. Объект рассматривается в двух аспектах: как вещь в себе, недоступная человеческому пониманию, или с точки зрения того, чем объект является для человека. Таким образом, мышление производит разрешение объекта в субъекте, которое, по мысли Гегеля, запускает революционный процесс: «Когда Aufklärung достигает высшей истины, на которую оно способно, наступает момент абсолютной свободы. Вся объективность поглощается самосознанием Я, и теперь «мир – это его воля». Абсолютная свобода соединяет в едином мире то, что прежде было разъединено – потустороннее и посюстороннее: «Тогда примиряются два мира, небо спускается и переселяется на землю». Так Гегель провозглашает Французскую революцию» [6, р. 407].

Таким образом, проблема нигилизма – это вопрос перехода от теории к практике. Отрицание – инструмент мышления, который дает нам свободу, но на практике оказывается, что

ничего нельзя отрицать полностью, потому что жизнь сопротивляется отрицанию.

Анализ идеологии Просвещения и ее критика, представленные в теории Гегеля в самом общем виде, получают конкретное историческое наполнение в дебатах, которые русская литература ведет вокруг нигилизма. В полемике великих русских писателей и интеллектуалов эта критика обретает историческое измерение и экзистенциальное содержание. В конкретном контексте анализируется внедрение Модерна в Россию и возможные революционные трансформации, к которым может привести столкновение социально-политических парадигм в будущем. С другой стороны, у Достоевского

анализ рационализма как саморазрушающегося процесса представлен не только в аспекте социальных изменений, но и как внутренняя динамика совести, борющейся сама с собой. Выдвигая нравственную дилемму, Ф. М. Достоевский репрезентирует проблему свободы: человек, воздействуя на объективный мир, одновременно производит изменения в собственном сознании. Таким образом, в творчестве этого великого русского писателя противопоставление сознания и внешнего мира ставится под сомнение, а сама проблема предопределения сознания способом существования закладывает основы французского экзистенциализма XX века.

Список литературы

1. Тургенев И.С. Отцы и дети. Санкт-Петербург: Наука. 2008. 620 с.
2. Chernishevski N. ¿Qué hacer? [Recurso electrónico] // URL: <https://ia803102.us.archive.org/15/items/Qu-HacerNikolaiChernyshevski/Qu%C3%A9%20hacer%20-%20Nikolai%20Chernyshevski.pdf>
3. Dostoevski F. Memorias del subsuelo [Recurso electrónico] // URL: <https://biblioteca.org.ar/libros/131370.pdf>
4. Hegel, G.W.F. Fenomenología del espíritu. Madrid: FCE, 2008.
5. Herzen, A. El desarrollo de las ideas revolucionarias en Rusia [Recurso electrónico] // URL: http://www.antoncha.net/biblioteca_virtual/politica/ideas_rusia/indice.html
6. Hypolle, J. Génesis y estructura de la «Fenomenología del Espíritu» de Hegel. Barcelona: Editorial Península, 1991.

References

1. Turgenev I.S. Fathers and Sons. St. Petersburg: Science. 2008. 620 p. (In Russ.)
2. Chernishevsky N. What to do? [Electronic resource] // URL: <https://ia803102.us.archive.org/15/items/Qu-HacerNikolaiChernyshevski/Qu%C3%A9%20hacer%20-%20Nikolai%20Chernyshevski.pdf>
3. Dostoevsky F. Memories from underground [Electronic resource] // URL: <https://biblioteca.org.ar/libros/131370.pdf>
4. Hegel, G.W.F. Phenomenology of the spirit. Madrid: FCE, 2008.
5. Herzen, A. The development of revolutionary ideas in Russia [Electronic resource] // URL: http://www.antoncha.net/biblioteca_virtual/politica/ideas_rusia/indice.html
6. Hypolle, J. Genesis and structure of Hegel's "Phenomenology of Spirit". Barcelona: Editorial Peninsula, 1991.

*

Поступила в редакцию 27.08.2022